

ГЛАВА 20. ДЕРЕВНЯ ДРЕВНИХ ПРИЗРАКОВ (ЧАСТЬ 18)

— Да говорю же, всё в порядке, — Цинь Яо перевернулся на другой бок, отворачиваясь от Чжан Цзымана. Голос его звучал совсем неуверенно. — Я спать.

В комнате снова воцарилась тишина.

Цинь Яо сверлил взглядом грязно-белую стену перед собой, то и дело косясь назад. В душе он уже проклинал себя за то, что слишком демонстративно отвернулся: как ни старайся, а лица Чжан Цзымана за спиной не разглядеть.

«Что этот парень молчит?!»

«Раз он не двигается, то и я не стану! — сердито решил Цинь Яо, зажмуриваясь. — Спать, немедленно спать!»

Снаружи небо оставалось ясным, и только над задней горой застыла чернильная мгла. Время от времени оттуда доносились глухие раскаты грома; они бередили душу, лишая Цинь Яо остатков покоя. Сон не шёл.

Лежавший на кровати юноша осторожно повернул голову. Он обнаружил, что человек, сидевший рядом, давно закрыл глаза. Он застыл в безмолвном отдыхе, положив меч на колени. Даже во сне он держал спину идеально прямой — настоящий аскет, вечно бдящий над своей душой.

Цинь Яо ощутил необъяснимый укол раздражения. Он резко вытянул руку и вцепился в рукав Чжан Цзымана.

Тот и впрямь вымотался. Находясь в полузабытьи, он совершенно не ожидал рывка. Цзыман повалился на кровать, а тяжёлый древний меч с грохотом рухнул на пол, отозвавшись долгим, тягучим звоном.

В соседней комнате Чэн Минь вскинул голову:

— Что-то случилось?

— Ой, да брось, — Юй Фансюй мягко надавил ладонью на затылок Чэн Миня, возвращая его на подушку. — Спи давай. Если ты не устал, то я — смертельно.

Чэн Минь, уже лежа на боку, покосился на него:

— Руку убери!

Фансуй зажмурился и, криво усмехнувшись, нехотя убрал ладонь с талии Чэн Миня.

Тем временем Чжан Цзыман, оказавшийся на кровати рядом с разгневанным Цинь Яо, смотрел на него с явным замешательством. Они лежали лицом к лицу — так близко, что чувствовали дыхание друг друга.

— Ты лошадь или осёл? Зачем спать сидя... Может, ты ещё и стоя умеешь? — не успел Цинь Яо закончить фразу, как Цзыман прижал ладонь к его губам.

Он смотрел с невыносимым количеством чувств: радость, удивление, смертельная усталость, но больше всего в его взгляде была... нежность.

— Не учишь у Чэн Миня ругаться, — услышал он тихий голос.

Цинь Яо едва слышно фыркнул:

— И что ты мне сделаешь...

— Рот тебе заткну, — серьёзно ответил Чжан Цзыман.

Цинь Яо невольно вспомнил тот мимолётный, едва ощутимый поцелуй... Тогда он чувствовал лишь недоумение и неприязнь, но сейчас... сейчас в глубине души шевельнулось странное желание повторить это.

— Ноги гудят? — спросил Цзыман. — Мы сегодня много прошли.

Цинь Яо вспомнил, что Чжан Цзыман не просто прошёл весь этот путь, но и добрую часть дороги тащил его на плечах. Признаться в усталости стало неловко.

— Да вроде ничего... — пробормотал он.

Чжан Цзыман промолчал. Он перевернулся на спину и, подхватив ногу Цинь Яо, устроил её у себя на талии, после чего принялся мягко разминать ему икры. Не обращая внимания на ошарашенный взгляд юноши, он закрыл глаза:

— Спи.

Он двигал пальцами выверенно, нажимая на нужные точки — не больно, но ощутимо снимая напряжение. Цинь Яо довольно прищурился, чувствуя сквозь одежду рельеф чужого пресса.

Уши у него предательски запылали.

— Спи. Я тебя не трону, — добавил Чжан Цзыман.

Цинь Яо покосился на него и придвинулся чуть ближе:

— Подвинься, мне места мало.

Цзыман не шелохнулся.

Цинь Яо больше не проронил ни слова. Он закрыл глаза, и вскоре его дыхание выровнялось.

Весь остаток дня они провели так: один лежал ровно, другой — раскинувшись, точно мастер пьяного стиля. Если бы кто-то заглянул в комнату, он наверняка принял бы их за влюблённую пару, наслаждающуюся полуденной дремой в объятиях друг друга.

— Дядя, зачем вы набрали столько всего? — Цинь Яо удивленно уставился на деревенского старосту, обвешанного корзинами и коробами, и поспешил на помощь.

Сон во второй половине дня определённо пошёл ему на пользу — самочувствие было прекрасным, разве что лежать вдвоём в такой тесноте было жарковато...

Цинь Яо уже успел переодеться в свою одежду. Староста обернулся и, увидев, что Чжан Цзыман по-прежнему облачён в длинное старинное одеяние, заметил:

— Скажи брату, пусть купит тебе ещё таких нарядов. Очень уж они тебе к лицу!

— Э-э... ха-ха, — неловко выдавил Цинь Яо. Только сейчас до него дошло: оказывается, все эти дни они с Чжан Цзыманом щеголяли в чем-то вроде парных костюмов.

— Давайте я, — подошёл Чжан Цзыман. Он перехватил плетёную корзину из рук Цинь Яо, причём его ладонь на мгновение накрыла пальцы юноши.

— Вот это я понимаю — настоящий старший брат! — одобрительно кивнул староста, ведя группу в сторону Храма горного бога. — Поторопимся. Нужно вернуться в деревню до полуночи.

Цинь Яо посмотрел в спину Чжан Цзыману; на сердце стало сладко, и он, весело размахивая рукавами, последовал за остальными.

Солнце клонилось к закату, тени на склонах гор вытянулись в длинные тёмные полосы. Спустя сорок минут пути Чэн Минь наконец увидел очертания храма. В лучах заходящего солнца его багряные стены, подёрнутые густой желтизной заката, казались ещё мрачнее. Хоть он шёл этой дорогой уже во второй раз, на душе было беспокойно. Он не выдержал:

— Староста, а почему мы идём именно вечером?

— Горный бог днём пребывает в Небесном чертоге, он возвращается только к ночи! — Староста, привыкший к горным тропам, шагал удивительно бодро для своего возраста. — Обычно сельчане просто оставляют подношения и уходят, время не важно. Но вы-то идёте просить прощения. Как же тут без личной встречи?

Без личной встречи?

Чэн Минь почуял неладное и бросил быстрый взгляд на Цинь Яо.

Если Лу Чжао не врал и двери Храма горного бога всегда были наглухо заперты, то о какой «встрече» может идти речь?

— В храме, должно быть, очень красиво? — Цинь Яо старался не отставать от старосты, выпытывая информацию как бы невзначай. — Дядя, вам, небось, немало сил стоит поддерживать там чистоту?

— Каких ещё сил? — Староста в шутку замахнулся, будто хотел дать Цинь Яо подзатыльник. — Это почтение к Горному богу!

— Но погодите, дядя, — вмешался Юй Фансюй, поняв намёк Чэн Миня. — Я слышал, что двери вашего храма обычно не открывают.

Староста обернулся и смерил Фансюя взглядом, после чего хмыкнул:

— Это та девчонка наплела? С покрашенными губами и густыми бровями?

«Так я и знал, она сбежала только для того, чтобы увязаться за нами», — староста, приняв их молчание за согласие, недовольно проворчал:

— Меньше слушайте всякий вздор. Всё куда сложнее!

Неужели Лу Чжао их обманул? Цинь Яо поспешил уточнить:

— Тогда зачем вы держите храм закрытым?

— В тот день покойник у нас был! — вздохнул староста. — Жена Лао Ма из восточной части деревни преставилась. Мы её в храм отнесли, там и схоронили.

— Схоронили?! — выпалил Цинь Яо. — Тело... в храме?

Но ведь в прошлый раз они ничего подобного не видели.

Чэн Минь и Юй Фансюй переглянулись. Пока они ждали у входа в прошлый раз, они успели осмотреть убранство храма — никаких гробов там не было.

— Сами посмотрите.

Незаметно для себя они подошли к самым дверям.

И сейчас ворота храма... были плотно закрыты!

Все невольно затревожились. Кто запер эти двери? Знал ли этот человек, что они уже приходили сюда? И если знал, почему промолчал? Рассказал ли он старосте? А если староста в курсе, почему ни о чём не спросил? Вопросы, точно грозовые тучи, сгущались над головами путников.

Староста же, казалось, вовсе не замечал их состояния. Он почтительно сложил ладони перед входом, поклонился и, подхватив вещи, шагнул внутрь.

— Заходите же! Поклонитесь, и Горный бог благословит вас! — Оставив подношения, староста обернулся и поманил их рукой, видя, что те застыли на пороге.

Делать было нечего. Цинь Яо первым переступил порог и тут же поморщился от странного запаха гари, которого не было в их прошлый визит. Чжан Цзыман тоже нахмурился — очевидно, он заметил то же самое.

Староста подошёл к углу и носком матерчатой туфли постучал по полу. Вверх поднялось облачко пыли. Он осклабился, глядя на Цинь Яо:

— Вот она, жена Лао Ма, про которую я вам сказывал.

Чэн Минь с ужасом уставился на пол. Неужели этот толстый слой серого налёта — вовсе не вековая пыль, а... костная зола?!

Воздух будто загустел, превратившись в вязкую слизь, забивающую дыхательные пути. Чэн Минь с трудом перевёл дух. Староста молчал, продолжая неподвижно улыбаться. Прошла,

казалось, вечность, прежде чем он смог выдохнуть.

Теперь в храме царил лишь могильный холод.

Цинь Яо впервые почудилось, что радушная улыбка старосты превратилась в зловещий оскал. Словно вся его прежняя доброта была лишь лживой маской, а настоящий демон только сейчас занёс свою косу над жертвами, попавшими в западню.

Староста принялся доставать вещи из корзин. Чэн Минь увидел фрукты, сладости, рис и целую тушку курицы. Он расставил подношения перед алтарем, опустился на колени и принялся что-то бессвязно бормотать — то ли молитвы, то ли просьбы о защите. А затем он вытащил из короба огромный тесак для рубки костей.

Чжан Цзыман мгновенно заслонил собой Цинь Яо, он стал предельно напряжён.

Староста усмехнулся, помахивая тесаком:

— Обычно он мне без надобности, но сегодня я приготовил его специально для вас.

О чем он говорил — о курице на алтаре или о самом ноже — никто не знал. В горле пересохло, по спинам пробежал холодок.

Последний край солнца скрылся за горизонтом. Чэн Минь и не заметил, как быстро наступила тьма. Он взглянул на Юй Фансюя: «Тебе не кажется, что со старостой что-то не так?»

Фансюй едва заметно кивнул: «Будь начеку. Если что — бей первым».

Староста присел на корточки. Раздался резкий хруст: несколькими точными ударами он разрубил курицу на части, свалил мясо обратно на блюдо и поднялся, отходя в сторону. Направив засаленный тесак на красные подушки для поклонов, он скомандовал:

— Живее. Кланяйтесь.

— Давайте поклонимся и уйдём, — Цинь Яо сказал это и остальным, и самому себе, пытаясь подбодрить группу. Он подошел к пунцовой подушке, собираясь опуститься на колени, но Чжан Цзыман удержал его за руку.

— Можно нам поклониться стоя? — спросил Цзыман.

«Преклонять колени перед небом, землей и родителями — это одно. Но с чего бы падать ниц перед каким-то сомнительным божком?»

— Можно, — на удивление легко согласился староста. — Кланяйтесь быстрее, у меня ещё дела.

Чэн Минь заставил себя отвести взгляд от жуткого старосты. Он собрался было отвесить формальный поклон, как вдруг краем глаза заметил: статуя горного бога шевельнулась.

Ему показалось, будто к горлу приставили ледяное лезвие. Он оцепенел, дыхание перехватило. Он в ужасе вскинул голову, но увидел лишь, как длинные волосы изваяния, приподнятые чем-то, медленно опускаются на плечи.

Чэн Минь только собрался облегченно выдохнуть, как тут же напрягся всем телом.

В храме не было ни малейшего сквозняка...

— Ну же, чего замер? Кланяйся!

Окрик старосты заставил Чэн Миня вздрогнуть. Очнувшись, он понял, что остальные трое уже закончили свой символический обряд, и только он стоит столбом.

Он хотел было шепнуть Фансюю о своём наблюдении, но под пристальным взглядом старосты не нашел момента и просто сухо поклонился.

В момент поклона Чэн Миню почудилось, что его кожа на миг озарилась алым светом, но когда он присмотрелся, всё исчезло.

Сначала он списал это на закатное солнце, но, обернувшись, увидел лишь чернильную тьму за порогом. На горизонте не осталось и следа зари. В храме светились лишь несколько желтых кончиков благовоний в курильнице да подрагивали два огонька красных свечей.

«Наверное, отсвет свечей», — попытался успокоить себя Чэн Минь.

Цинь Яо взглянул на статую; чем дольше он смотрел, тем более зловещей она ему казалась. В её лице не было ни капли божественного величия — лишь холодная жуть.

— Дядя, мы можем идти? — Его охватило дурное предчувствие, и ему не терпелось убраться отсюда подальше.

Староста, который только что торопил их, ссылаясь на дела, теперь не издал ни звука.

— Дядя? — Цинь Яо обернулся и тут же вскрикнул от ужаса, едва не запрыгнув на Чжан Цзымана: — Твою ж налево!..

Цзыман резко развернулся, и даже его, всегда невозмутимого, пробрал озноб от увиденного...

<http://bllate.org/book/17517/1658368>